

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО...

...КАЖДОЕ послевоенное воскресенье часов в восемь утра на улице генерала Леклерка в Париже появлялась невысокая седая женщина с пачкой газет «Юманите-диманш». Она шла вдоль квартала, размахивая газетой и выкрикивая: — «Юманите-диманш! Покупайте «Юманите!» («Я кричала во весь голос», — говорит она).

Рядом сновали «конкуренты» — продавцы других изданий. Видя, что к ним подходит покупатель, она обращалась к нему:

— Не берите этой газеты. Только «Юманите» стоит читать в наши дни!

Важный господин, взглянув на женщину, наставительно замечал:

— Вы уже очень немолоды, мадам... Не лучше ли вам сидеть дома и вязать?

— Вязать... У меня не хватит времени на это. Покупайте «Юманите-диманш!» («Иногда и таких удавалось убедить купить».)

И так из воскресенья в воскресенье, год за годом. Ее приглашают в редакцию «Юманите», благодарят, хотят опубликовать в газете ее портрет. «Ни за что», — категорически отказывается она. А когда сумка пустела — 50—60 экземпляров газеты находили своих покупателей, — она шла к себе, в районную организацию Коммунистической партии Франции или домой, на шестой этаж одного из обычных парижских домов, отдыхала, писала воспоминания...

За плечами — большая жизнь. Много сделано, много событий, встреч... Одна из самых ярких, вспоминается ей, в начале января 1902 года. Против нее, гости, за обеденным столом сидит хозяин дома — седой, бородатый человек. «Вы не думайте, что доктор плохо воспитан, — смеется он, указывая на одного из сидящих за столом, — он ест левой рукой, потому что правой записывает все, что я говорю». Это Лев Толстой. Вечером гостя поет для него. Аккомпанирует А. Гольденвейзер. Звучит музыка любимого композитора певницы — Мусоргского, романс «Полководец».

— Это Мусоргский? — переспрашивает Толстой. — А почему же мне говорили, что он плохой композитор? Это великолепно! Как ему удается в музыке передавать движение? — интересуются он.

Толстой берет певичку и ее мужа в окрестности Ясной Поляны, показывает родник в овраге, который никогда не замерзает...

Это только два эпизода богатой жизни известной русской певички Марии Алексеевны Олениной-Д'Альгейм, недавно приехавшей в Москву.

Есть в русской культуре люди, беззаветно, всего себя отдающие служению людям. Даже уходя со сцены, они не уходят от людей, видя свое призвание в неустанной, бескорыстной помощи другим. «Последние двадцать лет я занимаюсь не музыкой, а общественными делами, политикой», — расска-

зывает мне Мария Алексеевна Оленина-Д'Альгейм. А раньше? Разве создание в Москве «Дома песни» в 1908 году — это не общественные дела? Организация лекций-конcertов русской музыки в Париже?хлопоты по санаторию для французских актеров, больных туберкулезом?..

Мы сидим с Марией Алексеевной в ее номере в московской гостинице «Пекин». Стол завален письмами, газетами, программами концертов, книгами. Я беру одну из них, на французском языке, изданную в Париже в 1908 году. «Заветы Мусоргского» — стоит на ее обложке. «Это моя работа», — говорит М. А. Оленина-Д'Альгейм, — но вот книга лучше, ее написал мой муж, французский писатель Пьер Д'Альгейм». Книга называется «Мусоргский».

— Мой первый скромный, но столь дорогой мне успех, — рассказывает мне Мария Алексеевна, — это выступление в Петербурге в 1887 году. Кажется, по случаю отъезда Чайковского за границу у Балакирева собрались многие видные музыканты и критики, люди искусства. Пришли Стасов, Римский-Корсаков, Кюи и другие. В ту пору мне было неполных восемнадцать лет. Я приехала в Петербург продолжать свое музыкальное образование и, конечно же, ждала одобрения и поддержки. И вдруг после одного из романсов Стасов басом проронил напрямую: «Экая гадость!» Все захохотали, оказалось, это относилось к словам романса, действительно очень пошлым и дурным. Так состоялось мое «крещение».

Выйдя замуж за французского писателя и музыкального критика, я уехала в Париж и с 1896 по 1937 — сорок один год — выступала с концертами, пела в опере.

На столе у Марии Алексеевны альбомы с вырезками — отзывами о концертах. Это было дерзкое начинание — пропагандировать творчество Мусоргского, которого многие не понимали, не любили. Но концерты, которые предваралялись лекцией Пьера Д'Альгейма о русской музыке, проходили со все возрастающим успехом. Я листаю пожелтевшие листки альбома, в них — восторженные высказывания французской прессы, сообщения из Парижа русских газет конца прошлого века. А вот теплый отзыв композитора Клода Дебюсси, побывавшего на одном из концертов.

Вдали от Родины Мария Алексеевна Оленина-Д'Альгейм не порывает связей с Россией, много раз наезжает, живет в Москве, организует «Дом песни», который ставил своей задачей популя-



М. А. Оленина-Д'Альгейм в Париже, 1956 год.

ризацию песенного творчества народа и русских композиторов и просуществовал до 1915 года. Ей пишут Балакирев и Стасов, на ее концерты съезжаются многие любители музыки. Последний концерт в России состоялся в 1926 году.

Среди бумаг актрисы я замечаю большой диплом, выданный ей Национальной ассоциацией друзей франтиреров и французских партизан. Рядом — сопроводительное письмо из ассоциации. В нем говорится: «...Слово «героизм» не будет преувеличением по отношению к тем, кто, рискуя своей жизнью, не побоялся укрывать патриотов, материально помогать участникам движения Сопротивления». Постепенно я узнаю от Марии Алексеевны историю нескольких дней ее жизни в годы нацистской оккупации Парижа: она прятала у себя одну еврейку, которой грозила высылка в Германию, и молодого человека, которого ждал арест. «Он ушел под вечер и оставил у меня свои вещи. Я посмотрела — это были брошюры Маркса и Ленина. Не пришлось мне спать в ту ночь. А утром от него приходит женщина и вытаскивает из моего мешка с углем его револьвер. Я и не знала, что там спрятано». М. А. Оленина-Д'Альгейм рассказывает это кратко, с неохотой, лишь отвечая на мои вопросы.

— В 1945 году, после Хиросимы, я вступила в Коммунистическую партию Франции, но и до этого я считала себя коммунисткой, — говорит Мария Алексеевна.

Документы, лежащие передо мной, повествуют о заполненных неустанным трудом парижских буднях этой девяностолетней женщины, русской певички. Она участвует в собраниях сторонников мира, выполняет поручения своей ячейки Коммунистической партии. Маленькое письмо — благодарность за денежную поддержку от Комитета защиты демократических свобод в Черной Африке. В последние годы Мария Алексеевна получала скромную пенсию и на значительную часть ее покупала экземпляры «Юманите». За свой счет рассылала она газету видным юристам, людям искусства, общественным и государственным деятелям. «Им полезно почитать».

...Пройдено много лет. Но время словно бы не властно над теми, кто не знает дня без труда, кто вечно молод духом. «Я приехала сюда работать», — замечает М. А. Оленина-Д'Альгейм, — хочу передать свой опыт исполнительской молодежи, помочь ей. Я еще поработаю...

Ю. ГАВРИЛОВ